

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316+929

СЦЕНАРИЙ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ 1861 ГОДА

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается социально-политический сценарий развития общественной ситуации 1861 г. Особое внимание уделяется особенностям социально-политического мировоззрения мыслителя.

Ключевые слова: взгляды Н. Г. Чернышевского, крестьянская реформа 1861 г., социально-политическая мысль России.

N. G. Chernyshevsky Scenario of Social Movement in 1861

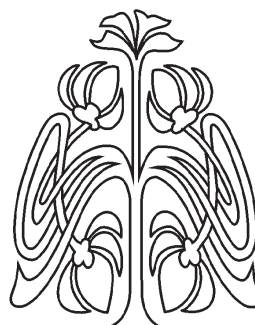
Y. A. Nikiforov

In article N. G. Chernyshevsky's contribution scenario of social movement in 1861 is considered. The special attention is given to features of sociopolitical outlook of the thinker.

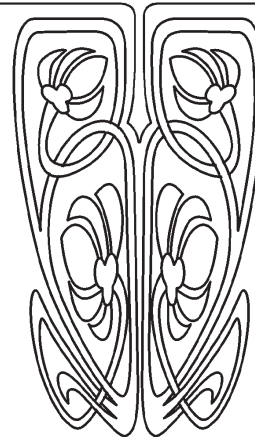
Key words: sociopolitical sights of N. G. Chernyshevsky, peasantry liberation in 1861, sociopolitical thought of Russia.

Через несколько месяцев после обнародования Положения об освобождении 1861 г. Чернышевский представляет политический сценарий с двумя исполнителями первого плана – «либералами», или «умеренными», из «образованных слоев», и разночинцами, или «прогрессистами», а также двумя другими, несколько отодвинутыми на задний план, – «реакционерами» и крестьянством. Этот сценарий важен, так как является почти единственным в своем роде. В самом деле, противники самодержавия не имели привычки отводить либералам хоть какую-нибудь роль в политическом освобождении России. Вместе с тем сценарий демонстрирует, что его автор ещё верит в способность общественных групп к инициативе.

Чернышевский предлагает что-то вроде цепной реакции. Этот план читается между строк в статьях, анализирующих итальянские события того времени¹. Однако читатели знали, что речь в них идет о России, поэтому интерес представляет не ценность этих комментариев с точки зрения тогдашней итальянской действительности, а та роль, которую он отвел различным действующим силам. Под прикрытием средиземноморских имен вырисовывался проект политического разрыва российского статус-кво. На крайних полюсах: «прогрессисты» (Мадзини и Гарибальди) – с одной стороны, и королевская власть (Неаполитанская корона и Святой престол) – с другой; общим для них было то, что они находились в меньшинстве и были далеки от народа. В центре – «либеральные консерваторы», представленные Кавуром, также очень далеким от масс в той мере, в какой его программа игнорировала народные чаяния. Поэтому ему суждено было быть раздавленным «реакционерами» подобно французским реформаторам 1848 г. Однако Кавур мог бы избежать их участи, если бы под давлением боевого меньшинства, находящегося на его левом фланге, он включил в свою умеренную программу некоторые народные требования. Тогда он был бы в состоянии удовлетворить требования большинства и одержать победу над реакцией. Применительно к России этот сценарий предлагал разночинцам политическую линию, состоящую в том,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

чтобы заставить тех, кто провозглашал себя «либералами», вести себя как истинные либералы и постараться в качестве политической силы найти своего русского Кавура.

Рассмотрим этот сценарий подробнее. «Ни та (реакционная), ни другая (революционная) партия не могла пользоваться властью»². Подразумевается, что радикальная оппозиция не должна претендовать на руководство антисамодержавным движением: «Иметь обдуманную ясную программу! Может быть, это и хорошо само по себе, может быть, это полезно для нации, но масса общества никогда не поставит, не будет иметь своими представителями таких людей»³. Призывая к политическому реализму, этот пассаж выразил проблему, которая затем станет общим местом: народ не узнает себя в революционной интеллигенции. Но только «тот силен в обществе, кто имеет за себя большинство». Кто может обладать силой? Консервативно-либеральная партия, «которая одна по ходу дел должна была иметь власть»? Так же, как и в Италии, умеренные в России могут рассчитывать на большинство, «господствующий принцип» которого – «рутина». Но, партия умеренных – это самая настоящая партия рутины. Реакционные речи «уже не удовлетворят рутинному образу мыслей большинства», в то время как революционные речи не вошли («в рутину»). Так как «удовлетворительна только та смесь, которая составляет рутину», программа либералов может частично выражать народные чаяния⁴.

Чернышевский, однако, склоняется к мысли, что «либералы» не способны по собственной инициативе выразить народные требования. В этом случае, так же как и революционеры, они окажутся оторванными от народа: «...люди, желающие реформ и свободы, знают, что достигнуть ваших целей, победить реакцию и обскурантизм вы можете, только усвоив себе стремления массы ваших бедных темных соотечественников поселян и городских простолюдинов. Или примите в ваши программы аграрные вопросы, или вперед знайте, что вы обречены на погибель от реакции»⁵. Как, по мнению Н. Г. Чернышевского, заставить «умеренных» обратиться к народным стремлениям? «Умеренная партия, представительница рутины, с каждым годом расширяла свою мерку возможных и полезных реформ. Это расширение делалось не по ее охоте, против ее желания налагалось на нее успехами прогрессистов»⁶. После каждого успеха революционеров Гарибальди «умеренные» Кавура стояли на том, что этим-то и надо ограничиться. Успехи Гарибальди влекли за собой расширение либеральной программы. Именно своей агрессивностью и экстремизмом разночинцы могли заставить либералов определиться – заострить свою позицию, четче очертить ее контуры – стать тем, чем сами они никогда бы не решились стать в России. Поэтому Чернышевский ничего сверх этого не требовал от революционеров: «Умеренная партия постоянно считала этих людей непрактичными мечтателями, вредными интри-

ганами... Но старый порядок, кусок за куском, падал под напором интриганов и мечтателей. С каждым таким фактом принуждена была умеренная партия изменять свою программу»⁷. «Кавур» был написан в 1861 г., когда живо ощущалось нетерпение части молодежи. Стиль и ритм статьи Чернышевского отвечают необходимости убедить эту молодежь в важности либерализма для России: «Умеренная партия не виновата ни в чем, даже в том, что дело не шло так быстро, как могло бы идти при другом ее характере... Ведь если бы Кавур и другие предводители умеренной партии поступали иначе, если бы они сами шли вперед, а не были против собственных мыслей ведены вперед другими, они не были бы предводителями умеренной партии, не были бы представителями большинства... не имели бы в своих руках и организованную силу государства, не были бы его правителями... Нечего порицать Кавура за то, что он был таким, каким был, занимая место, какое занимал: такие люди требуются этим местам, другие не годятся для него... Скажем более того: мы расположены думать, что господство именно этой системы служило необходимым условием успешного хода национальных дел»⁸. Чернышевский обращался к двум адресатам: к разночинной молодежи, ищущей действия, и к «либералам», к элите «образованных классов», разрывающейся между своим стремлением к свободе и своей покорностью властям⁹. Это был призыв ко всему, что было в России «образованного», чтобы вырвать общество из плена самодержавия. Параллельно Чернышевский сохранял надежду на то, что крестьяне, разочарованные Реформой, проявят тем или иным способом свое недовольство. Слияние этого протеста (Чернышевский не питал иллюзий относительно его широкого размаха) с деятельностью умеренных, подталкиваемых радикалами, могло бы закончиться падением царизма.

Это было бы что-то вроде реформы сверху, но проводниками ее вместо государства являлись бы «образованные классы». Вырвав инициативу у самодержавия, это движение могло бы в достаточной мере изменить ход русской истории.

Примечания

¹ См.: Чернышевский Н. Г. Граф Кавур // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. М., 1939–1950. Т. VII.

² Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. Т. VII С. 670.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 370.

⁶ Там же. С. 671.

⁷ Там же. С. 672.

⁸ Там же. С. 672–673.

⁹ Там же. С. 736.